

Василий ВОРОН

Весь мир — Тартар

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Ворон

Весь мир – Тартар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50579827

SelfPub; 2020

Аннотация

Каждому известно, что существует таинственная Книга, где описаны не только прошлые, но и грядущие события этого мира. Но не каждому удастся эту Книгу увидеть. Однако существуют и те, кто способен заглянуть за кулисы этого мира. Театральная версия для любителей теории Матрицы. Содержит нецензурную брань.

*Гамлет: Они идут; мне надо быть безумным;
Садись куда-нибудь.*

...

Король: Как поживает наш племянник Гамлет?

*Гамлет: Отлично, ей-же-ей; живу на хамелеоновой пище,
питаюсь
воздухом, пичкаюсь обещаниями; так не откармливают
и каплунов.*

*Король: Этот ответ ко мне не относится, Гамлет;
эти слова не мои.*

*Гамлет: Да; и не мои большие. (Полонию.) Сударь мой,
вы говорите, что когда-то играли в университете?*

*Полоний: Играл, мой принц, и считался хорошим акте-
ром.*

Уильям ШЕКСПИР

Эно вышел из подъезда и, застегивая пуговицы ватника, слушал сонную предутреннюю тишину.

Снег больше не падал, и неприятный мертвый свет желтых фонарей уныло освещал припорошенные дорожки, пересекаемые кое-где узкой вязью собачьих следов. Эно отпер ржавый навесной замок и открыл дверь, находившуюся рядом с входом в подъезд. В тесной нише пахло пылью, торчала щетина мётел, тускло поблескивали скребки и отполированное лезвие топора, приваренное к длинной железной трубе. Эно вытащил из кладовки широкую лопату, запер дверь и на-

правился к помойке, расчищая перед собой первую тропинку. У синих мятых баков он собрал просыпанный и припорошенный снегом мусор, вычистил площадку и отправился дальше. Тракторист Мишка, которого дворничиха тетя Тая ехидно называла Михуилом, четвертый день состоял в уверенном запое, поэтому улица, вдоль которой двигался Эно, и к которой лепились, словно деревеньки к реке серые панельные дома, начала приобретать вид колеи. Старший участка Иван Тимофеевич, сидя в своем закутке в ЖЭКе, каждый день теперь слезно упрашивал по телефону соседей «поскрести» его территорию, матеря Мишку и всю славя Бога, в которого не верил, за отсутствие сильного снегопада.

Эно закончил обход помоек на своем участке и принялся чистить дорожки подъездов.

...Когда он закончил работу, фонари уже не горели и по дорожкам все чаще семенили хмурые прохожие, спеша на работу. Эно оббил лопату от снега и убрал в кладовку, оставив сторожить свое нехитрое хозяйство старый ржавый замок.

Из содержимого желтого пакета

Журнал «Наука и жизнь»:

«Экспедиция, предпринятая Британским Национальным Географическим Обществом на Тибет, в числе прочих материалов предоставила любопытную информацию.

На третий день пути, в начале трудного перехода че-

рез горный перевал, проводник-сиккимец неожиданно остановился. Он повернулся лицом к доктору антропологии Джеймсу Митчеллу, шедшему следом, и произнес: «Я должен вас оставить». Сразу после этого он лег прямо на землю и, несмотря на все предпринятые усилия, через несколько минут умер.

Продолжать путь без проводника не представлялось возможным. Через сутки два участника экспедиции отправились назад, чтобы нанять другого проводника. Через несколько часов дороги они повстречали другого сиккимца, двигавшегося им навстречу. Он объяснил, что заменит «ушедшего», как он выразился, проводника. На все расспросы о том, как ему стало известно о случившемся, он отвечал одно и то же: „Я слышал зов“»

Слушая надрывавшуюся где-то «Пионерскую зорьку», Эно едва успел выйти из ванной, как на полке глухо заурчал старенький черный телефон. Ежась в одних трусах, он взял трубку.

– Да.

– Шалом, Юрец, – произнес на том конце провода привычную фразу совершенно незнакомый голос. Это никак не мог быть Илюха, однако Эно как ни в чем не бывало ответил:

– Привет.

– Одолжи треху до семнадцатого, а? – немного напряженно попросил звонивший. «Любопытно. Не слышал подобно-

го лет десять. Кто бы это мог быть?» – подумал Эно и ответил, включаясь в неведомую пока игру:

– Замётано.

В трубке забубнили гудки отбоя, и Эно положил ее на рычаг.

Очень давно и, как казалось Эно, не в этой жизни, этим канувшим в Лету способом они с Илюхой Абрамовым договаривались о встрече, играя в диссидентов. На самом деле они совершенно серьезно считали себя диссидентами, тщательно (как им, опять же, казалось) следуя заветам хитрого дедушки Ленина, очень любившего конспирацию. Всё их натужное диссидентство сводилось к чтению ротапринтных и рукописных текстов *запрещенного содержания* – формулировка сама по себе казалась им несуразной глупостью, – которыми они и обменивались, выуживая их в основном у тихого студента с экономического факультета с редким именем Эммануил и с логичным прозвищем Кант. Он был из интеллигентнейшей семьи – папа преподавал в МГУ, мама слыла известным искусствоведом, и было совершенно непонятно, каким образом их сын оказался в МАДИ, когда ему прямая дорога была в тот же Московский университет. Однако Кант так действовал на друзей своей незаметностью, смешанной с удивительной добротой и скромностью, что лишних вопросов ему не задавали, да и к чему это было, когда тот умел доставать такие литературные раритеты, что Эно с Ильей со-

вершенно об этих вопросах забывали. К тому же, при всех своих добродетелях, Кант удивительным образом держал с ними такую дистанцию, что дружбы между ними не водилось, и пересекались они исключительно на этой самой ниве интереса к запрещенной литературе. Илья с Эно жили на разных концах Москвы, но виделись практически ежедневно в своем МАДИ, пытаясь постичь древнюю как Русь тайну: почему дороги, которые им предстояло проектировать, неизменно оставляли желать лучшего в стране победившего неизвестно что социализма. Там же, в альма матер, в перерывах между лекциями они и обменивались по-простецки тугими пакетами с «запрещенкой». При удивительно детской по наивности конспирации, судьба у Канта, Ильи и Эно должна была бы сложиться весьма просто и неказисто – до первого же стукача, если бы его не опередил декан факультета, на котором учился Кант. Декан, сам, по-видимому, будучи из диссидентов, но не в пример правильных, вызвал к себе всех троих, отобрал всю имевшуюся в тот момент на руках литературу и провел недолгую, но выразительную лекцию. Уныло разглядывая портрет Ленина, висящий на стене в кабинете декана, разоблаченные борцы за правду услышали о себе много неприятного. Плавно помахивая возле уха «Красным колесом» Солженицына, декан негромко и старательно материл собравшихся.

– Не успели проглотить молоко из маминой сиськи, как уже решили глотнуть свободы? – проникновенно и доступно

чеканил декан. – Утритесь сперва! Сахаровы недоделанные. Прежде чем впитывать чужие мысли, научитесь думать своей головой. И не только о демократии и человечности. Из Москвы за казенный счет прокатиться захотелось? Абрамов, ты хоть раз вспомнил, какая у тебя фамилия? Собирайтесь на своих кухнях, у кого, конечно, они имеются, и обменивайтесь этими бумажками сколько влезет, а здесь (он обмахнул комнату рукой) ни-ни. Если еще раз вы будете иметь кретинизм попасться здесь с этим, – «Красное колесо» заслонило от Эно портрет Ленина, – выкину из института к е... матери.

Отделавшись и в самом деле легко, три карбонария перестали таскать в институт вожаделенные тексты, и именно тогда Илья и Эно придумали систему паролей для явок, когда требовалось срочно передать друг другу находившийся в неведомой им плотной очереди читателей материал или даже просто попить чересчур светлого пива и подышать ядреным советским воздухом, насыщенным дуростью, равнодушием и кухонной крамолой с привкусом вчерашних щей. Пользовались им только они вдвоем, так как Кант жил неподалеку от Ильи, в тех же Сокольниках, где они по-соседски и забегали друг к другу. В разработанном телефонном шифре, неизвестно как оказавшемся известным звонившему, денежная сумма обозначала время встречи, а прилагаемая информация – место таковой. В данном случае, незнакомец предлагал встретиться в 15.00 возле метро «Площадь революции» – число «17» бесхитростно соответствовало этому

месту, напоминая о проклятом красном дне по новому стилю. Если по телефону сообщалось, к примеру, о том, что «Я тут рупь нашел – так кстати оказалось: башка после вчерашнего раскалывается», то встреча назначалась в час дня на «Площади Ногина». Фамилия пламенного борца революции у обоих заговорщиков плотно ассоциировалась с ногой, поэтому упоминаемая в разговоре часть тела (пусть даже в матерном эквиваленте) означала эту станцию столичного метро.

Среди истрепанных листков попадались не только запрещенные мысли земляков, но и безвестные переводы западных титанов духа – в том числе по философии и эзотерике, беспокоя вольнодумных студиозусов ничуть не меньше.

Оказались там и копии загадочных манускриптов, оставившие в пытливых умах неизгладимый след, и не след даже, но катастрофический разлом, куда безжалостно быстро, как песок в треснувших песочных часах, осыпался весь привычный с детства мир. Поначалу они не верили тому, что только что прочитали, особенно когда текст был переписан от руки весьма небрежным и торопливым почерком, с исправленными десятками других рук орфографическими ошибками и пятнами от портвейна. Потом, пытаясь осознать прочитанное, Илья с Эно собирались вместе – Кант то ли не интересовался подобной литературой, то ли постигал это все так же тихо и незаметно, в соответствии со своей натурой. Илья жил в коммунальной квартире, поэтому собирались всегда у

Эно, который сразу после поступления в институт стал жить один в крошечной квартирке благодаря неслыханной щедрости родителей, забравших оттуда бабушку к себе. После особо сильных книг они вообще не говорили, сидя в комнате и порой даже не зажигая свет. Потом Илья молча поднимался, нашаривал в своей куртке кошелек, Эно молча доставал свой, и Илья бежал в ближайший гастроном. Водка развязывала язык нечасто, и они скоро вообще перестали ее пить – на определенном этапе пойло стало только мешать. Получаемая информация только вначале походила на катастрофу. Потом они научились с этим жить и даже больше – приняли это Знание. И после этого обратной дороги для них не существовало.

Илья к тому времени был отчислен из института за патологическое равнодушие к изучаемым предметам, побив все мыслимые рекорды по «хвостам». Эно понимал друга, но сам институт закончил, больше, правда, по некой инерции. Для своих прежних друзей и знакомых они стали чужими, оставаясь верными лишь их общей дружбе. Им уже не требовалось выискивать запрещенные книги – информации хватало, да и получать ее они научились другими, более простыми способами. Кант давно куда-то исчез – еще из института, когда там учились вместе Илья с Эно и они ничего не слышали о нем.

Потом Илья уехал с матерью в Израиль к каким-то родственникам. Эно спросил только: «Зачем? Какая разница –

где?» На что Илья ответил: «Я чувствую, что мой путь должен продолжиться там». Они простились так, будто Илья просто возвращался, как это обычно бывало, в свою коммуналку в Сокольниках. Они обменялись чисто информативными письмами, и между ними воцарилось молчание, в котором было понимание того, что это неизбежно должно было произойти – тот путь, на который они ступили, не предусматривал традиционных понятий о любви и дружбе, которыми руководствовались все вокруг. Их связывало нечто большее, нежели дружба – их связывало Знание.

Из содержимого желтого пакета

Выдержка из статьи доктора Джозефа Йорка, журнал «Астрономик обсервер», перевод мелким почерком на обертке шоколада «Аленка»:

«...Весьма сомнительно так же и то, что наши астронавты высадились на Луне. Даже из официальных отчетов можно сделать вывод – фото и киноматериалы являются неумелой и, что более вероятно, сделанной второпях подделкой...

...Более того, из достоверных источников мне стало известно, что полет, предпринятый в июле 1969 года, стал самым шокирующим для NASA по той причине, что до Луны вообще не оказалось возможным добраться. (Неудивительно, что один из астронавтов сошел с ума.) Все это подтверждает мою версию пятилетней давности о том, что Лу-

на, которую принято считать спутником Земли, находится вовсе не на расстоянии 384 000 километров, а отстоит от нашей планеты на много световых лет, и именно в этом случае мы имеем дело с невероятной по замыслу и весьма искусной по исполнению фальсификацией...»

Без пяти три Эно уже прогуливался на небольшом пяточке у метро «Площадь революции» возле телефонов-автоматов. Он сразу заметил человека, позвонившего ему, хотя речи о том, как им отличить друг друга в толпе не было. Это был худой долговязый парень лет двадцати пяти в сером пальто и надвинутой на лоб кроличьей шапке. Еще одной заметной деталью были огромные очки в черной оправе, закрывавшие ему пол-лица. Эно никак не показал того, что вычислил его, предоставив парню решить самому – подходить или нет. Через 15 минут парень приблизился к Эно и произнес:

– Ведь вы Юрий? Это я вам звонил.

У него оказалось узкое лицо, а очки с толстыми линзами увеличивали удивительно красивые глаза невероятного зеленого цвета, делая его похожим на наивного ребенка. На правой щеке виднелась свежая царапина – вероятно, парень нервничал, когда брился. Эно ободряюще ему кивнул и сказал:

– Вы что-то имеете мне рассказать. Давайте решим, где это будет удобнее сделать.

Два зеленых семафора за стеклами очков моргнули и па-

рень начал:

– Знаете, у меня есть отдельная комната, хоть я и живу в коммунальной квартире...

Эно не дал ему закончить:

– Полагаю, что мы еще не настолько близки, чтобы вы приглашали меня к себе домой. Мороз сейчас градусов 15, поэтому и от прогулки, думаю, мы воздержимся. Посидеть в достаточно спокойной обстановке где-нибудь поблизости тоже не получится. Предлагаю попросту постоять – это близко. Там тепло и нас не потревожат.

Этим местом был ГУМ. Забравшись повыше, они облокотились о перила на одном из мостиков, перекинутых между торговыми рядами. Заметив, что незнакомец мнетя, не решаясь начать, Эно сосредоточился и услышал два голоса: «Не стоит говорить ему все. Откуда ты знаешь, что он собой представляет?» – бубнил один. «Ерунда. Из дневника не похоже, чтобы он был из „этих“», – возражал другой. «Много из твоего дневника можно понять...»

Эно нарушил молчание:

– У вас еще есть возможность определиться окончательно. Либо вы уберетесь туда, откуда пришли, либо расскажете то, что заставило вас позвонить мне. Решайтесь.

Парень взглянул на Эно через свои стекла и облизал сухие губы. «Сначала надо его спросить», – услышал Эно и незнакомец произнес:

– Позвольте вначале задать вам вопрос.

Эно кивнул. Парень огляделся и громким шепотом спросил:

– Вам известно что-нибудь о Книге? Кроме того, что известно всем?

– Известно. Только, боюсь, это вряд ли покажется вам интересным.

Больше парень не колебался.

Вообще-то его звали Виктором. Но отец называл сына не иначе, как Вэктор и постепенно оно стало его настоящим именем, вытеснив оригинал. Он жил в той самой коммуналке, что и Илья. Телефон, естественно, стоял в общем для четырёх семей коридоре и шифрограммы слышали все обитатели коммуналки, не придавая им никакого значения. Гораздо большее внимание уделяли разговорам товарища Мамишвили. Когда он говорил с неким Вахтангом из Кутаиси, все заморожено внимали этому эмоциональному потоку, из которого знакомыми островками появлялись время от времени единственные понятные слова, такие, как «преображенский рынок», «рубли» и «зае...сь, генацвале».

Так же как и все, Вектор не отличал шифрограммы Ильи от других разговоров, однако у мальчика была хорошая память и наблюдательность: он мог, например, на слух определить по какому номеру звонил тот или иной человек, сопоставляя длительность треска вращаемого диска с цифрами. Таким образом, ему были известны все телефонные номе-

ра, в том числе и номер неведомого ему Юрика, но об этом не догадывались даже родители Вектора. Эно бывал у Ильи очень редко – в комнате, где он жил с матерью, не очень-то можно было посидеть в свое удовольствие, поэтому ни Эно Вектора, ни тот его не видели, но даже если это и случалось, то совершенно не придавали этому значения и тем более не запоминали друг друга.

Тем временем Вектор закончил десятилетку, не особенно блистая аттестатом – отличался он только тягой к гуманитарным дисциплинам, чем очень огорчал преподавателей точных наук, хором твердивших, что с его памятью он бы далеко пошел как математик или физик. Вектор им не внял и поступил в библиотечный техникум. Служба в вооруженных силах ему не грозила – с десяти лет у него начало портиться зрение и в один из дней его без проволочек признали негодным к исполнению почетной обязанности, более точно называемой когда-то «повинностью».

Техникум находился на Щелчке, совсем недалеко от метро, хотя Вектор добирался до него из своих Сокольников на автобусе. Здание было точно таким, как и школа, в которой он учился. Однажды, после окончания первого курса, успешно сдав сессию, Вектор помогал приводить в порядок подвал, захламленный сломанными стульями, столами, подточенными голодными до знаний учащимися, старыми учебными материалами и древним архивом. Когда очередной самосвал был загружен ненужным барахлом, и все разбрелись

по двору и опустевшим коридорам техникума дожидаться следующего, Вектор вернулся в подвал и принялся копать в груди старых учебников, сваленных в двух ящиках, стоявших в дальнем углу, освещенном пыльной лампочкой. Вектор перебирал растрепанные книги, от которых сладковато пахло старой бумагой, пока на самом дне одного из ящиков не наткнулся на толстый бумажный пакет желтого цвета с написанными в углу химическим карандашом буквами «СТ». Вектор присел на краешек уцелевшего после самосвала стула с тремя ножками и аккуратно отодрал заклеенный клапан. В пакете оказалось множество газетных и журнальных вырезок – преимущественно из каких-то иностранных изданий, к которым прилагались рукописные переводы этих самых текстов. И повествовали эти вырезки, собранные, судя по почерку, одним и тем же человеком, о вещах любопытных и странных. Мельком пробежав глазами несколько листков, Вектор аккуратно сложил все обратно в пакет, засунул его под рубашку, благополучно вынес из подвала и переложил в свою сумку. Теперь изо дня в день, улучив момент, когда родителей не было дома, он доставал спрятанный в надежном месте заветный пакет и жадно читал все, что там было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.